

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ*

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-352-358.

Осознание тесной связи науки и философии заняло довольно много времени и приобрело статус общепризнанного положения не столь уж давно, где-то ближе к середине XX века — если судить историческими мерками (Outram, 1996: 1010–1012). Оно открыло целый новый пласт некогда незамечаемых феноменов для анализа. Сформировалась почва для становления политической философии науки и того ее раздела, который можно назвать политической эпистемологией (Muller & Afrouzi, 2023).

Исследования в области политической философии науки естественным образом связаны с проблемой понимания феномена политики вообще. В этом плане апелляция Е. В. Масланова (Масланов, 2024) к трактовкам политики в контексте идей К. Шмитта и Ж. Рансьера вполне понятна и оправдана, поскольку позволяет поместить вопросы, относящиеся к политической философии науки в некоторое поле, в котором органично сопрягаются вопросы, относящиеся к компетенции политологии и того, что можно было бы условно назвать «науковедением» или, что более точно, философией науки.

Подходы Шмитта и Рансьера, как убедительно показывается в статье, существенно различны: если Шмитт представляет политику как игру с нулевой суммой — выигрыш одной стороны означает поражение другой, то Рансьер представляет политику в виде активности, которая перекраивает социальное пространство. Между тем, несмотря на принципиальные различия, оба этих подхода находятся в плоскости социального реализма. Они «работают» с обществом как некоторой целостностью, которая детерминирует поведение и динамику ее элементов. В преломлении к политической философии науки это означает,

*Бажанов Валентин Александрович, д. филос. н., профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск), vbazhanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0336-9570.

**© Бажанов, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

что речь идет о «науке вообще», о науке как целостном образовании, внеличностном (или скорее безличностном и надличностным) феномене, заслоняющем ее, так сказать, личностное измерение.

Если задуматься о машинерии производства научных идей, то это производство всегда имеет личностное начало: идеи рождаются в голове определенного человека, ученого, затем могут либо подхватываться, либо отвергаться коллективом ученых, завоевывать сообщество и т. п. Поэтому не стоит опускать из виду подход к жизни науки и научному творчеству в духе социального номинализма¹. Согласно этому подходу, находящемуся в своеобразном отношении дополнительности к подходу Шмитта и Рансьера, исследование фокусируется на роли в генерации идей и концепций отдельных ученых, — идей, которые со временем могут приобрести универсальный (имея в виду конкретный исторический период) характер для всей науки, т. е. личностное знание при определенных условиях становится знанием «общим». Иными словами, анализ науки в духе идей Шмитта и/или Рансьера должен быть расширен до анализа роли отдельного ученого (и конкретного коллектива ученых, их «лаборатории») в динамике науки. Ее (достаточно) полная картина возможна только в сочетании ракурсов, предполагаемых и социальным реализмом, и социальным номинализмом. Не стоит забывать старые истины, о которых заставляет энергично напоминать нынешняя реальность, — истины, относящиеся к роли личности в истории, в данном случае в истории движения научных идей. Эпистемологические процедуры и в политических процессах играют первостепенную роль, которая заключается в сопоставлении действительности политических лозунгов, результатов политической активности с социальной материей. Речь идет о феномене воспроизводимости посредством механизма так называемого *fact-checking* (Frenandez-Roldan & Teira, 2024).

Эти суждения можно отнести к перспективам развития исследований в области политической философии науки.

Знакомство с интересной статьей Евгения Валерьевича подводит к мысли, что он солидарен с мнением В. Н. Поруса о том, что вопрос о политической субъектности науки допустимо адресовать только к науке начиная с XX века. Вполне можно согласиться с тем, что рождение и расцвет неклассической науки в XX столетии придал этому вопросу

¹ Стоит заметить, что социальный номинализм естественным образом предполагается концепцией социального конструктивизма (Ernest, 2004: 10).

особую актуальность ввиду, например, создания оружия массового уничтожения (типа атомного или ядерного). Тем не менее, я бы не был столь безапелляционен в стремлении привязать политическую субъектность науки исключительно к XX веку. Полагаю, что в XX столетии действительно эта проблема приобрела особое звучание, удельный вес науки как политического субъекта достиг некоторого критического максимума. Однако, как мне представляется, наука по меньшей мере примерно с XV–XVI веков способна претендовать на статус политического субъекта. Не исключено, что если вспомнить античность (и, прежде всего, Анаксимандра) и факт рождения картографии и топографии, то указанные исторические рамки следует даже существенно расширить.

Основы баллистики и фортификации, заложенные и развитые Тартальей и Галилеем, напрямую относились к науке как политическому субъекту, поскольку определяли степень успешности (или «неуспешности») экспансии государств вплоть до вопроса об их существовании вообще. То же самое можно сказать о разработке порохов и других взрывчатых веществ, металлургии и механики (изобретение спускового механизма у ружей), изобретении морской астролябии, открывшей эпоху открытий и завоеваний обширных заморских территорий западноевропейскими державами (прежде всего Великобританией, Испанией, Португалией и Францией). За всеми этими открытиями и разработками стоят конкретные ученые и инженеры, которые являлись и учеными, и инженерами (или картографами, архитекторами и т. п.) в одном лице, а творимая ими наука позволяла ей в той или иной форме участвовать в политической жизни — если речь шла о противостоянии государств, то в качестве элемента политики, проводимой «иными», т. е. военными средствами. Думается, что вовсе неслучайно ведущий мировой научный журнал «Nature» сравнительно недавно в своей редакционной статье «Почему *Nature* должна сейчас освещать политику плотнее, чем когда-либо» констатировал, что «наука и политика *всегда* (курсив мой. — В. Б.) зависели друг от друга» (Why Nature..., 2020: 169)². Данное замечание обусловлено тем очевидным и многие десятилетия известным фактом, что наука выступает противоядием против эрозии истины в обществах самого различного типа — явления, в избытке наблюдаемого в последнее время, когда расцветает пост-правда, мнение и экспертиза ученых

² Думается, что вовсе неслучайно с 1982 г. издается журнал «Политика и науки о жизни (Politics and the Life Sciences)».

не принимаются властью во внимание, а кто-то из «неудобных» ученых даже ею преследуется (Collins, 2023)³.

Рамки рассмотрения науки в качестве политического субъекта можно расширить за счет образования, которое, как известно, призвано непосредственно отражать успехи развития науки. Достаточно, скажем, вспомнить вероятно справедливое напоминание Ф. Энгельсом мысли О. Пешеля о том, что в австро-прусской войне одержала победу Пруссия, поскольку ее система образования превосходила австрийскую (Энгельс, 1979: 63). Думаю, что эта истина, которая отражает непреходящую роль образования в жизни социума, включая то время, когда она связана с военными действиями, взятая из арсенала классического марксизма, сохраняет свое значение и по сей день, хотя некоторые другие марксистские истины могут быть преданы забвению.

В истории науки XX века зафиксированы как научные достижения, удивительные прозрения отдельных ученых, так и ужасающие преступления, которые инспирировались атмосферой тоталитарных политических режимов, которые существовали не только в русле проводимой ими политики, но и имели все шансы заметно изменить ее траекторию. Достаточно вспомнить бесчеловечные эксперименты Й. Менгеле в Освенциме на людях (включая детей) в концлагере, опыты японцев в Китае под руководством Сиро Исии по созданию бактериологического оружия (отряды № 731 и № 100) или конструирование «газвагена» для уничтожения «неудобных» людей, не «той» нации, пленных и политических противников. За всеми этими экспериментами и техническими устройствами стоят конкретные люди, «ученые» с очевидными патологическими изменениями психики, которые определяли их целеполагание. Имена их известны, и, к великому сожалению, их список может быть продолжен представителями более поздней эпохи. Каждый из этой категории «ученый» почти наверняка мог отказаться от бесчеловечных «исследований» руководствуясь, моральными соображениями, но не только не сделал этого, но и был увлечен своими изысканиями,

³Например, президент Бразилии Ж. Больсонаро уволил директора Национального института космических исследований за указание на опасность уничтожения лесных массивов по течению Амазонки, премьер-министр Индии Т. Моди уволил сотню ведущих экономистов за якобы принижение и искажение экономического состояния страны, премьер-министр Японии Й. Суга вывел из состава научного совета при правительстве шесть не согласных с научной политикой премьера экспертов. Понятно, что список подобных случаев не ограничивается названными странами и может быть легко продолжен.

которые соответствовали политическому контексту и устремлениям тоталитарных режимов и укрепляли эти режимы.

Такого рода исследования и разработки проводились под покровом секретности. Режим секретности, иногда необходимый для военных разработок, вообще говоря, не соответствует духу научного поиска истины. Поэтому вполне понятны мотивы движения ученых, связанные со стремлением проводить свои исследования с открытым режимом, обозначая его как *open science* вплоть до *open access* — если иметь в виду открытый доступ к научным публикациям в журнальной периодике (Science as Open Enterprise..., 2012; Tananbaum et al., 2024).

В социальной и политической психологии открытость часто связывается со склонностью к либеральным воззрениям (Chatterjee, 2013), причем эта черта еще более выражена в среде научных работников. Так, согласно исследованиям, проведенным в США в 2017 г., среди населения страны и преподавателей университетов и колледжей, а также научных сотрудников⁴, соотношение сторонников республиканской партии, отличающихся симпатиями к консервативным идеям, и сторонников демократической партии, среди членов которой доминируют симпатии к либеральным идеям в совокупной выборке, равно 1 к 10; среди же тех, кто занимается социальными науками — 1 к 12, а естественными — 1 к 6 (May, 2021: 14). Такого рода умонастроения (по крайней мере среди американских преподавателей и исследователей) необходимо учитывать при анализе личностных измерений в контексте политической философии науки, дополняя тем самым картину динамики науки под углом зрения концепций Шмитта или Рансьера.

ЛИТЕРАТУРА

- Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии : пер. с нем. — М. : Политиздат, 1979.
- Chatterjee D. K. Building Common Ground : Going Beyond the Liberal Conundrum // *Ethics and International Affairs*. — 2013. — Vol. 27, no. 2. — P. 119–127.
- Collins H. Science as a Counter to the Erosion of Truth in Society // *Synthese*. — 2023. — Vol. 202.
- Ernest P. Nominalism and Conventionalism in Social Constructivism // *Philosophica*. — 2004. — Vol. 74. — P. 7–35.

⁴Выборка составила примерно 5000 респондентов.

- Frenandez-Roldan A., Teira D. The Epistemic Status of Reproducibility in Political Fact-Checking // *European Journal for Philosophy of Science*. — 2024. — Vol. 14.
- May J. Bias in Science : Natural and Social // *Synthese*. — 2021. — Vol. 199, no. 1/2. — P. 3345–3366.
- Muller J. F., Afrouzi A. E. An Egalitarian Challenge to Increasing Epistemic Value in Democracy // *Synthese*. — 2023. — Vol. 202.
- Outram D. Science and Political Ideology, 1790–1848 // *Companion to the History of Modern Science* / ed. by R. C. Olby, G. N. Cantor. — London, New York : Routledge, 1996. — P. 1008–1023.
- Science as Open Enterprise : Open Data for Open Science. — London : The Royal Society Service Policy Centre, 2012.
- Tananbaum G., Gentemann C., Naim K. A Plan to Develop Open Science’s Green Shoots into a Thriving Garden // *Issues in Science and Technology*. — 2024. — Vol. XL, no. 2. — P. 24–26.
- Why Nature Needs to Cover Politics Now More than Ever // *Nature*. — 2020. — Vol. 586. — P. 169–170.

Bazhanov, V. A. 2024. “Lichnostnoye znaniye i politicheskaya filosofiya nauki [Personal Knowledge and the Political Philosophy of Science]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 8 (3), 352–358.

VALENTIN BAZHANOV
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

ULYANOVSK STATE UNIVERSITY (ULYANOVSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0336-9570

PERSONAL KNOWLEDGE
AND THE POLITICAL PHILOSOPHY OF SCIENCE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-352-358.

REFERENCES

- Chatterjee, D. K. 2013. “Building Common Ground: Going Beyond the Liberal Conundrum.” *Ethics and International Affairs* 27 (2): 119–127.
- Collins, H. 2023. “Science as a Counter to the Erosion of Truth in Society.” *Synthese* 202.
- Engels, F. 1979. *Lyudvig Feyyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoj filosofii* [*Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Ernest, P. 2004. “Nominalism and Conventionalism in Social Constructivism.” *Philosophica* 74:7–35.
- Frenandez-Roldan, A., and D. Teira. 2024. “The Epistemic Status of Reproducibility in Political Fact-Checking.” *European Journal for Philosophy of Science* 14.

- Maslanov, Ye. V. 2024. "K voprosu o politicheskoy sub'yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.
- May, J. 2021. "Bias in Science: Natural and Social." *Synthese* 199 (1–2): 3345–3366.
- Muller, J. F., and A. E. Afrouzi. 2023. "An Egalitarian Challenge to Increasing Epistemic Value in Democracy." *Synthese* 202.
- Outram, D. 1996. "Science and Political Ideology, 1790–1848." In *Companion to the History of Modern Science*, ed. by R. C. Olby and G. N. Cantor, 1008–1023. London and New York: Routledge.
- Science as Open Enterprise: Open Data for Open Science*. 2012. London: The Royal Society Service Policy Centre.
- Tananbaum, G., C. Gentemann, and K. Naim. 2024. "A Plan to Develop Open Science's Green Shoots into a Thriving Garden." *Issues in Science and Technology* XL (2): 24–26.
- "Why Nature Needs to Cover Politics Now More than Ever." 2020. *Nature* 586:169–170.